

А. НОВИКОВ

В 1242 ГОДУ

Н 73.

Р 30506

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 38

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

МОСКВА — 1942

А. НОВИКОВ

В 1242 ГОДУ

Издательство „Правда“

Москва — 1942

Зам. отв. редактора И. ЕРУХИМОВИЧ

Издательство «ПРАВДА», Изд. № 703.

А61645. Зак. тип. № 2192. Тираж 50.000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. 1½. Зн. в 1 п. л. 43.200.

Цена 20 коп. Подписано к печати 24/IX 1942 г.

Тип. газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Неторопливо катит воды на запад Двина. Чем ближе к Варяжскому морю, тем дальше позади остаются дремучие леса, тем чаще песчаные отмели-перекаты. По берегам цветут буйные травы на некошенных от веку лугах. Все чаще, на смену лесному безлюдью, попадаются рыбачьи поселки. Сюда, в низовья Западной Двины, по весне пешими идут люди из лесных городищ, плывут в утлых ладьях хлебопашцы, отвоевавшие землю от лесов.

— Давно ли были купцы из-за моря?

Сидят вокруг костров, говорят о незамысловатых своих делах, об урожае, о лесном звере и терпеливо, подолгу ждут, не появится ли вдали чуть приметный парус, не приплывут ли заморские купцы с товарами, которых не умеют делать сами ливы — мирный народ, владеющий здесь прадедовскими землями.

С давних времен — кто запомнит, с каких? — бросают якорь в двинских водах заморские купцы, чаще всего немцы. Отсюда начинается речной путь в дальнюю Россию, к полоцким князьям. Пристально и хищно всматриваются немецкие торговые люди вдаль, в леса, за которыми лежат Полоцк и вся необъятная, говорят, сказочно богатая Россия. Говорят, что Россия богаче всех земель, которые даны человеку. И те не-

мецкие люди, которые еще не бывали в России, при-
быльно торгуют в низовьях Двины. За каждую безделку,
что делает немецкий мастер, берут купцы с ливов непо-
мерную цену: полной мерой золотистого зерна, лесным
пушным зверем—всем, что создает здесь мирный и тер-
пеливый труд, всем, что родится на ливской земле. За
каждую безделку — цену сторицей! Больше все равно
ни у кого не купишь.

— Какая замечательная торговля с варварами! Какие
золотые дела! Какие у них, варваров, обильные земли!

Жадно слушают на родине бывалых купцов. Немец-
кие рыцари уныло подтягивают отощавшие животы,
смотрят в пустые кошель и печально вздыхают. Мало
ли скитались они по Европе в поисках удачи? Ездили
за добычей даже в Азию, в Палестину, да не раз были
жестоко биты. Но коротка на это рыцарская память, а
жадность ненасытна. Может быть, теперь за Варяж-
ским морем, на Двине придет, наконец, счастье, досы-
та накормит рыцарскую утробу.

И снова слушают вернувшихся с Двины купцов и
обстоятельно расспрашивают:

— Рассказываете, что там богатые земли, что их
глазом не охватишь. А каковы люди? Может быть,
в военном деле искусны?

Смеются купцы. Презрительно машут рукой, уговари-
вают рыцарей:

— Совсем непривычны варвары к военному делу. Да
и что сделает дубина или какой-нибудь плохонький
самодельный лук против рыцарской брони, против вели-
кого искусства непобедимых рыцарей?! А земли словно
приготовлены для немецких хозяев, и живут на этих

землях их будущие рабы, усердные в работе. Верное дело! Счастливый поход!

И вот уже шумят, поднимаются рыцари в немецких землях, и в Саксонии, и в Вестфалии, и в иных. Шумят и суетятся, собираясь в поход, и благословляют их монахи. Оружейные мастера куют обнищавшим рыцарям в долг, в счет будущих доходов, новые тяжелые мечи и спешно ставят заплаты на кольчуги, продырявленные в прежних, незадачливых походах.

Большое оживление царит в немецких землях. Следом за рыцарями собираются к варварам монахи и всякие люди, охочие до чужого добра. И купцы замышляют новые большие сделки под защитой рыцарских мечей.

Шумят, суетятся кичливые рыцари: во славу Германии! В крестовый поход!

А потом снова зовут для совета бызальных купцов и с глазу на глаз осторожно расспрашивают: а в самом ли деле те «варвары» совсем безоружны, в самом ли деле совсем не искусны они в ратном деле? Так ли это?

— Да как же не так? Ведь купцы не везут туда запретного оружия, а сами варвары вовсе не знают оружейного мастерства.

И еще громче бахвалятся не раз уже битые рыцари в немецких городах: во славу Германии! В поход!

А Двина все так же безмятежно катит свои воды на запад. В одну из весен в низовьях Двины показались паруса.

— Немецкие купцы? Уже давно бы пора им приплыть!

Впрочем, кулеческих судов еще никогда не бывало так много, даже тогда, когда приплывали с ними немецкие монахи, обуреваемые жаждой крестить ливов.

Караван судов плыл все ближе и ближе. Бросили якоря. Станные купцы! На берег сходят люди, вооруженные до зубов. Сумрачные и молчаливые, они тяжело ступают по земле грузным, размеренным шагом и держат оружие наготове, словно вот-вот ринутся в бой. И совсем уж загадочны товары, которые начинают выгружать с кораблей: какие-то невиданные снаряды, тяжелые, неуклюжие, страшные в своей таинственности. Потом выводят боевых коней. Толпа, собравшаяся на берег, следила за поведением гостей с глубоким, тревожным вниманием.

Так вступили на берега Западной Двины немецкие рыцари-крестоносцы. Был на исходе XII век.

* * *

Увлеченные мыслями о плодородных землях и будущих рабах, рыцари только теперь узнали, что племена ливов издавна живут в договорной дружбе с полоцкими князьями, что русские князья осуществляют здесь государственную власть. Пришлось слать послов в древний Полоцк, чтобы получить право на прочное поселение в низовьях Двины, в Икёсколе.

Послы красноречиво заверяли полоцкого князя и его ближних советчиков в том, что рыцари из Германии несут дружбу, мир и торговлю русским, что «божьи рыцари» хотят осесть в низовьях Двины только для того, чтобы приобщить «варваров»-ливов к высшей культуре христианства, что вслед за рыцарями плывут купцы с богатыми товарами, что мир и процветание снизой-

дут на земли, которые удостоили посещением они, «благородные» рыцари-тевтоны. Пусть же разрешит славный князь Владимир поселиться рыцарям в Икесколе, на землях ливов.

В Полоцке слушали цветистые речи послов и беспечно согласились на поселение рыцарей-немцев. С тех пор местечко Икескол, где впервые вступили они на двинские берега, стали звать немцы, словно бы исконное свое поселение, на немецкий манер: Икскюль.

Рыцари приступили к делу. Вооруженные люди сгоняли ливов. Беззащитные против рыцарского оружия и неуязвимых их доспехов, ливы в страхе слушали надменную речь незваных, непрошенных «благодетелей»: рыцарей, епископов, воинствующих монахов.

— Милостью божьей и рыцарским попечением им, варварам, суждено быть согретым огнем рыцарской любви. Согласны ли они беспрекословно принять это счастье, креститься и платить дань, или...

И рука говорившего, будто невзначай, легла на рукоять меча.

Тогда, посоветовавшись, мудро и просто ответили старейшины ливских племен:

— Убеждайте нас словом, а не мечом. Но прежде всего отошлите воинов туда, откуда они пришли..

Горе слабым! Храбрые в своей броне против первобытных стрел, железными рядами рыцари ринулись в поселения ливов и преследовали их на конях, и новые рыцари выходили с кораблей, чтобы присоединиться к веселой охоте. Обильно лилась неповинная кровь, и ливы, собрав силы все, противопоставили завоевателям с мужеством отчаянья. Но рыцари уже шли вверх по

Двине, от селения к селению, освещая свой путь заревом пожаров, истребляя поселения ливов. Рыцари мечами жали созревшие нивы, топтали их конями и вредили ливам всем, чем могли.

В зловещем свете пожарищ рыцари весело делили добычу и наложили на ливов первую дань: по мере зерна с каждого плуга.

Гордые этими легкими победами, рыцари в 1201 году осели в Риге, надменно заявив, что всегда было это поселение немецким. А следом за первыми отрядами плыли новые рыцари-крестоносцы из Германии. Жадные, прожорливые, ненасытные, они растекались по ливской земле. В Риге завоеватели объединились в Орден меченосцев. Они носили теперь знаки креста и меча, зловещие, кровавокрасные знаки. В торжественной обстановке они давали смиренные обеты целомудрия, послушания, бедности. Эти шутовские обеты и церемонии должны были прикрыть единую вождленную цель — наживу. Во имя нее пришли и действовали они, «братья-рыцари», начальники отрядов, и «братья-служивые», отборный военный костяк, откормленный, выхолненный и вооруженный за счет жизни и достояния ливских племен.

Нет! Ни в чем не обманули купцы. Отдыхая от трудов, ведут рыцари меж собой деловитые разговоры:

— Тот, кто несет на себе труд войны, тот должен получать большой доход...

И все оживленно кивают головами:

— Да, так! Больше дохода тому, кто усердно трудится на войне. Да будет так! Во славу Германии!

Возвращаются из дальних походов все новые и новые отряды. Пылают в Риге ночные праздничные костры. Рыцари делят добычу. Рыцари обходят толпы пленных.

Женщин, девушек — на потеху, на племя, на выращивание новых рабов. А что делать с этими? Вон стоят изнуренные голодом и жаждой воины-ливвы — пленники, захваченные в бою. Недолго совещаются рыцари: эти неисправимы, от них не будет дохода. Выхленной рукой магистр Ордена делает быстрый, едва уловимый знак. И тотчас отделяются рыцари, давно готовые к исполнению приказа. Взлетают острые мечи — падают обезглавленные тела тех, кто в честном бою защищал от убийц и грабителей собственную родную землю.

Псы-рыцари уже проникли из земель ливов выше по Двине, к леттам, они перешли через Двину и вторглись на север, к эстам, они напали на литовцев.

Давно ведется в Риге точная бухгалтерия всей рыцарской добычи. Совершенствуется техника войны. Хоть и плывут из Германии все новые рыцари, торопясь к разбойничьему дележу, но собственных рыцарских сил уже не хватает, потому что завоевания все расширяются и расширяются. Ненасытен волчий рыцарский аппетит.

Ну, что же, пусть покоренные племена ливов воюют за германских господ!

Под угрозой смерти или покупая мелких предателей жалкими подачками с господского стола, тевтоны везут с собой людей из покоренных ими племен, для

того чтобы они вместе с рыцарями истребляли соседей.

Дремучими лесами пробираются «братья-рыцари» к литовцам. Впереди идут покоренные ими рабы. Что кричит это войско? Они кричат, как их научили, на немецком языке:

— Бери, грабь, бей!

И никто уже не сомневается, слыша этот клич, что идут тевтоны. Бери, грабь, бей! Во славу Германии! Для рыцарской наживы..

Покоренные племена Прибалтики постоянно восстают. Непокоренные — отчаянно сопротивляются. Рыцарям не раз приходится снова завоевывать уже окровавленные и опустошенные земли. Но усердны в трудах на войне с беззащитным населением псы-рыцари, ищущие дохода. Проходят десятилетия, и свершается завоевание Прибалтики. Несметна добыча, которой рыцари теперь завладели. Нужно теперь, чтобы описал кто-то для будущих поколений подвиги «непобедимых». Среди рыцарей-крестоносцев, осевших в Риге, был воинствующий священник, угодливый летописец завоевателей. Ему, «брату» Генриху Латвийскому, поручено запечатлеть рыцарскую славу в веках. Он, воин-священник, сам участвовал во многих походах. Он сам видел многое своими глазами. А чего сам не видел, то слышал от видевших. Отдыхая от походов, Генрих Латвийский начинает свою хронику. На отменном латинском языке, на котором говорила тогда вся феодальная Европа, он посвящает ее рыцарям-тевтонам:

— С вами всегда идет победа и слава!

В ночной тишине он склоняется над рукописью. «Брат»

Генрих охоч порой до цветистого поэтического слова. Он тщательно отделяет каждую фразу. Он записывает все, что было совершено на землях ливов и летгов. Шаг за шагом разворачиваются «триумфы» немецких рыцарей. Рыцари грабят — хроникист усердно записывает.

* * *

«...Пришли тевтоны в эстонскую область и, разделив войско отрядами, стали преследовать эстов по всем дорогам и деревням; захваченных убивали, женщин, детей и скот забирали...»

Не раз уже крепко доставалось рыцарям. Разбой требовал усерднейшего. Рыцари ввели многие новшества. Обучали им тех покоренных рабов, которых гнали впереди своего войска.

«...Они обложили подземные пещеры эстов, куда те обыкновенно спасались. Зажгли огонь с дымом при входе в пещеры и, дымя днем и ночью, удушили всех: и мужчин и женщин. Вытащив затем из пещер одних задыхающимися, других едва живыми, третьих мертвыми, живых перебили или увели в плен, а все имущество, деньги, одежду и всю большую добычу захватили, а потом пошли обратно, благословляя бога!..»

Трудится, склоняясь над рукописью, Генрих Латвийский. Подробно описав всякий рыцарский поход, хроникист с немецкой пунктуальностью перечисляет все, чем завладели братья-рыцари. Рыцарская война и бухгалтерия беззастенчивого грабежа нераздельны. Не забыты ни домотканная одежда убитых, ни убогая домашняя утварь, уцелевшая от сожженных городов.

«...Братья рыцари двинулись в Саккалу. Все произошло так, как было всегда. Войско разделилось отрядами по всем деревням, и стали они грабить область, забирая в плен и убивая, кого находили. А когда возвратились в Ливонию, всех пленных мужчин обезглавили, чтобы отомстить. И славили того, кто благословен всегда...»

Нелегко поспевать хроникисту за псами-рыцарями. Все наглее и наглее становятся рыцари, убедившись, что нет у эстов оружия против рыцарской брони. Все дальше и дальше рыщут они.

«...И шли братья-рыцари по льду моря, пока не пришли куда хотели. И застали по деревням мужчин, женщин и детей, и всех от мала до велика, так как не слышали там ничего о предстоящем походе. И в гневе своем ударили рыцари и умертвили всех мужчин, и все войско преследовало эстов повсюду и убивали направо и налево, пока не обессилели от усталости и люди и кони. Тогда собрались все и, гоня с собой коней и массу скота, ведя женщин, детей и девушек, с большой добычей радостно возвратились в Ливонию...»

А вот в поход выступили рыцари-псы из Вендена. Воинственные против беззащитных, они обучают новой тевтонской тактике и тех несчастных, кто под страхом смерти, под угрозой удара рыцарского меча идет добывать новые доходные статьи для немецких господ.

«... Они опустошили и предали огню все деревни, а мужчин, каких могли захватить, всех сожгли живыми. Сожгли все их селения, чтобы не было у них убежищ. Искали врагов в темной чаще лесов, ибо нигде нельзя

было от них укрыться, и, вытащив оттуда, убивали. Женщин и детей повели с собой в плен, захватили коней и скот и большую добычу и вернулись в землю свою...»

Увеличиваются труды на войне. Рыцари напали на остров Эзель. «Брат» Генрих снова разворачивает свою летопись, чтобы запечатлеть новый «подвиг»:

«...Тевтоны с величайшим трудом оттеснили врагов и завладели укреплениями. Крики торжества и счастья! Так вступили братья в город и перебили народ. Захватили добычу, имущество, дорогие вещи, угнали коней и скот, а что осталось — сожгли...»

Да, добыча была воистину богата! Поход на редкость удачен. И «брат» Генрих не выдерживает, впадает в поэтический восторг: на смену деловитой прозе приходит злобный, полный ненависти к человеку стих:

«...Смерть ожидает одних,
Плен и неволя — других!»

Но дело остается делом. И счет доходов от войны — прежде всего. Генрих Латвийский внимательно перечитывает все, что записал. Задумывается и припоминает. Неподвижно лежат на рукописи сухие бледные руки. Да, «слава и триумф» прошли с братьями-рыцарями по всем покоренным землям. Ничего они не пропустили. Ничего не упустил и он, хроникист. И снова пишет неутомимый Генрих, словно бы подводя всему виденному короткий итог:

«...Они не имели покоя, пока окончательно не разрушили область, обратив ее в пустыню, так что уж ни людей, ни съестного в ней не оставалось. Деревни,

какие еще оставались, сожгли, а все, что было недоделано прежде, тщательно закончили...»

«...Плакала Эстония о детях своих, не могла утешиться из-за множества убитых, ибо не было им числа...»

Откуда эти строки? Трудно поверить! Их написал все тот же Генрих Латвийский. Подведена бухгалтерия войны. Воспеты «подвиги» братьев-рыцарей. И хроникист отдает дань поэтике.

«Плакала Эстония о детях своих...» Так издевались палачи над могилой собственных бесчисленных жертв.

* * *

Шел XIII век. Наступили тридцатые годы.

А в Полоцк давно шли недобрые вести. Сюда шли тревожные вести с первых лет, как вступили рыцари-тевтоны на берега Двины. Но рыцари еще боятся обнаружить свои дальние замыслы. Пуще всего боятся они, как бы не появились на помощь ливам русские дружины. Рыцари снарядили в Полоцк посла. Они слали полоцкому князю боевого коня, бранные доспехи, что сковал лучший мастер, и цветистые, вероломные речи:

— Мир и дружба славному королю Полоцка!

Но когда заехал в Полоцк пронырливый посол, который должен выведать и выглядеть сам, не проведали ли русские о рыцарских делах, его ждала здесь неожиданная встреча.

На княжем дворе — старейшины ливов. В великой тайне, хоронясь от рыцарских глаз, пришли они в Полоцк. По договору о давней дружбе, пришли за по-

мощью в тяжелый для них час. Перед князем Владимиром держали старейшины горькую речь:

— Немецкие люди — для нас великая тягость, непосильное бремя. Идите на Ригу, ударьте на рыцарей сверху. Ждет наш народ. Пусть дружба с русскими укрепитесь на бранном поле. Не хотят и не блюдут мира тевтоны!

Совещается князь Владимир с дружинниками; что-то скажет на жалобы ливов рыцарский посол? И вот в княжеской палате стоят они друг перед другом: немецкий посол-соглядатай и старейшины ливов. Напыщен и нагл ответ немца:

— Пусть не верит нечестивым варварам мудрый князь. Пусть накажет их за речи, полные проклятий и желчи. Пусть не смутят они мира, который рыцари везут князю.

Но в Полоцке уже много знают о том, что делается в низовьях Двины. В Полоцке начинают понимать теперь, что в Риге встает грозная опасность, общая для всех — и ливов, и леттов, и эстов, и литовцев, и самих русских. Неласково принимают в Полоцке рыцарского посла. Полоцкий князь собирает дружину. А пронырливый немец шлет гонца в Ригу. Гонец везет посольский наказ:

— Русские готовятся к походу!

Полоцкий князь собирал дружину, и казалось со страха рыцарям в Риге, что «король полоцкий собрал войско со всех концов своего королевства, а также от соседних королей». А на самом деле силы Полоцка были совсем не так велики. Давно прошли времена

славы и могущества полоцких князей. Давно порастрачена полоцкая сила в междоусобицах и в стычках с соседями...

Но с великой храбростью спустилось полоцкое войско вниз по Двине и осадило рыцарей в Икесколе, прошло дальше и окружило немецких псов в замке Гольм. А в Риге, присмирев, дрожали рыцари и за Икескол, и за Гольм, и за самую Ригу. Хорошо знали рыцари, как опытни русские в стрельбе из лука. Меткие их стрелы поразили многих на крепостных валах Икескола. Русские дружины на ходу учились технике у врагов. И когда рыцарские балистарии метали в них камни из своих балист, полоцкие воины соорудили свою метательную машину по образцу немецкой. Заперлись рыцари в Гольме и дрожали перед неминуемой расплатой. Ливы, соединившись с русскими, жаждали отмщения насильникам.

— Если бы продлились дни войны, — жаловались рыцари в Риге, — то едва ли они, рижане, могли бы защититься.

Но что это? О радости! Полоцкий князь раздумал идти на Ригу и, ограничившись ударом по Гольму, вернулся в Полоцк.

Сильно хмурился, глядя на это, князь Вячко, который сидел в Куkenосе, нижнем владении Полоцка на Двине. Давно знал князь Вячко рыцарские повадки, давно звал он князя полоцкого в поход на Ригу:

— Не гоже смотреть нам, княже, на нечестивые рыцарские дела. Скинем их в море!

А теперь Вячко, «суший дьявол» для немцев, ока-

зался после ухода полоцких дружин лицом к лицу с рыцарями, один на один.

Спешат рыцари. Они строят свой замок Леневарден под самым Куkenосом. Писал было с немцами князь Вячко договор о мире, да что стоит для рыцарей договор, когда сила на их стороне! Рыцари из Леневардена неожиданно напали на русский Куkenос, на владения ненавистного Вячко. Начался грабеж и истребление населения. Но близка расплата, и уже разбиты рыцари князем Вячко, и шлет он в Полоцк великие бранные трофеи: рыцарских коней, и балисты, и панцыри, и оружие — все, что побросали разбойники, все, что взял Вячко в честном бою с предателями из Леневардена. Шлет Вячко эти трофеи в Полоцк и снова зовет князя Владимира:

— Поспешай, княже, ударим на Ригу, пока не ушло время!

Из Полоцка ответа нет. А из Риги идут новые рыцари в Леневарден. Сила на их стороне...

В гневе разрушает до основания князь Вячко родной Куkenос, чтобы ничего не досталось врагам, и уходит на Русь. Он будет бороться с немцами везде, где сможет им противостоять. И союзники Вячко — ливы — разошлись по лесным недрам. Опустел русский Куkenос. На развалинах его рыцари победно играли на трубах и строили новую крепость «против коварства русских». Они стали звать теперь русский Куkenос (мыс реки Куквы) на свой немецкий лад: Кокенгауз.

Осмелели тевтоны и пошли теперь от Куkenоса вверх по Двине, к Герцике (по-русски Городище), вто-

рой крепости, выдвинутой полоцкими князьями вниз по Двине. В Риге рыцари держали злобные речи:

— Князь Герцикэ всегда был врагом тевтонов! Это он, связанный дружбой с литовцами, облегчал им переправу через Двину и снабжал их припасами. Это здесь, в Герцикэ, было нам, братьям-рыцарям, искушение и ловушка. В поход! На Герцикэ! В поход!

Хорошо знали псы-тевтоны, что в Герцикэ немного русской силы. И вот уже двинулось к крепости рыцарское войско. Им удалось ворваться в Герцикэ. И снова в доходы от войны тщательно записали разбойники взятую в Герцикэ добычу. По ней видно, как богат был русский город, средоточие мирной торговли с соседями, цветущий русский городок на берегах Двины.

Ворвались немцы в Герцикэ и чинили там убийства и грабежи. А хроникист обстоятельно записал:

«В тот день все войско рыцарей оставалось в городе, собрало по всем углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церкви колокола, иконы и прочее убранство, деньги и много добра, и все это увезли с собой, благословляя бога! На следующий день, расташив все, приготовились к возвращению, а город подожгли...»

Но нелегко и недешево далась русская добыча. Не раз приходилось псам-рыцарям возобновлять свои походы против Герцикэ. Вместе с русскими их били литовцы.

Но хищный набег следует за набегом. Передовые русские крепости на Западной Двине перешли, наконец, в руки захватчиков. Полоцкие князья не в силах

были защитить эти владения. Но и рыцари, захватив Кукенос и Герцикэ, не рискнули воевать против самого полоцкого князя. Они уже неистовствовали в Эстонии: «Плакала Эстония о детях своих». А рыцари снова столкнулись здесь с русской силой, с новгородцами.

* * *

Давно знали путь в Эстонию русские люди. В 1212 году князь Мстислав Удалой ходил на град, «рекомый Медвежья Голова». Медвежья Голова (Оденпэ) была расположена на путях из Пскова в Эстонию. Русские не раз бывали здесь, но не закрепились вооруженной силой. Они устанавливали мирные, соседские отношения с эстами.

А теперь немецкие рыцари торопятся захватить Медвежью Голову. Простодушные жители мирно впустили к себе немецких монахов, коварно говоривших о мире. Но малочисленно было население Медвежьей Головы, способное взять оружие в руки. И пока монахи славли бога и немецкий мир, ворвались рыцари, захватили главное укрепление на верхушке горы. Начало было положено! «И поселились там братья-рыцари, сильно укрепив замок против русских».

Из Медвежьей Головы открывалась перед ними теперь прямая дорога на Псков, на Новгород. В 1217 году, зимой, рыцари решились на воровской набег. Время выбрано удачно. На Руси праздник. Крадучись, подбираются хищники. Они явились туда неожиданно, опередив все известия.

«Русские были заняты пирами,— злорадно сообщает немецкая хроника.— Разослав свое войско по дерев-

ням и дорогам, братья-рыцари перебили много народу, множество женщин увели в плен, угнали массу коней и скота, захватили много добычи и, отмстив огнем и мечом, радостно со своей добычей вернулись в Оденпэ...»

Но преждевременна рыцарская радость: в Новгороде уже собираются дружины, чтобы идти бить рыцарей, что грабят эстов. И эсты ждут их с великим нетерпением. В новгородских дружинах видят они надежду на свое собственное освобождение от кровавых незваных гостей из Тевтонии. И как же меняются мысли и чувства у господ-рыцарей, едва видят они перед собой грозную русскую силу, как у них от страха расширяются глаза!

Русские и эсты обложили Медвежью Голову. Рыцари укрываются за валом укреплений, и кажется им, что в войске осаждающих никак не меньше двадцати тысяч. Каждого русского дружинника готовы они приять за десять воинов. Смирненно сидят в осаде рыцари и голодают, и «кони поедают хвосты друг у друга». Наконец высылают рыцари смиренных послов, чтобы просить мира, и получают этот мир на одном условии:

— Убраться всем из Медвежьей Головы подальше, в осиное свое гнездо — в Ригу!

А из Риги уже плывут в Тевтонию перепуганные гонцы, чтобы рассказать о бедствиях, которые претерпели рыцари, и снова скликают «людей храбрых и благородных» в поход против «нечестивых варваров». И снова плывут в Ливонню толпами рыцари из всех немецких земель. Их ведут граф Альберт и дру-

гие псы, «весьма предприимчивые», по отзыву хроникста.

Силы завоевателей все прибывают и прибывают. Но бьются с ними насмерть эсты, изведавшие коварство немецкого мира. В восстаниях пылает Эстония, а русские гонцы, объезжая племена эстов, зовут их в священный поход на тевтонов.

Нелегко пришлось теперь бронированным захватчикам. Начались грозные бои. Пришлось изведать титулованным псам силу русского удара. Достойный хроникст Генрих Латвийский, ученый и поэт, немало потрудился над тем, как обойти это скользкое место в «триумфах» рыцарства. И он нашел этот выход в том, что понесенное немцами поражение, о котором нельзя было умолчать, отнес целиком на покоренные племена, которых вместе с собой гнали храбрые рыцари.

Так дошло до нас это знаменательное свидетельство врага:

«Все, увидев численность русского войска, тотчас отступили назад, как будто получили удар дубиной в лицо. И бежали один за другим, видя летящие на них русские стрелы, и, наконец, все обратились в бегство...»

Новгородцы вели упорную борьбу с рыцарями и за Юрьев, ключ к дорогам на Русь. Снова на бранном поле была закреплена здесь древняя дружба русских с эстами.

К великой радости эстов — об этом вынуждены свидетельствовать сами немцы — в Юрьеве сел князем Вячко. Тот самый Вячко, которого хорошо запомнили

рыцари по Кукеносу. У князя Вячко небольшой гарнизон, горсточка всего в двести храбрецов. Вместе с русскими обороняют от псов-рыцарей Юрьев эсты.

А рыцари снова шумят и бахвалятся в Риге, готовят поход на Юрьев. У рыцарской храбрости очень простые причины: знают тевтоны, что не может сейчас помочь князю Вячко Русь, знают они, что Русь переживает нашествие монголов.

«Явились народы,— писал летописец,— которых до сих пор на Руси никто хорошо не знал, кто они есть и откуда пришли и какой у них язык и какого они племени. Мы же записали о них для памяти, ради русских людей, потому что были от них многие страшные беды...»

Злорадно следили рыцари за движением монгольских орд. В Тевтонии люди радовались русской беде, «будучи за морем далече». А рыцари в Риге уже поднимали мечи, чтобы решительно ударить на Юрьев.

И вот уже раскинуты рыцарские шатры на полях вокруг Юрьева. Строят они грозные осадные машины. Вверх поднялась высокая башня, которую строили всем войском восемь дней. Немецкие воины грызут эстонскую землю, ведут подкоп под Юрьев. Каждый день осадная башня передвигается все ближе и ближе к городу.

С тревогой смотрит на вражьи приготовления с городского вала князь Вячко. Хмурится он, не имея силы отогнать от Юрьева рыцарскую рать. А рыцари все ближе и ближе. Целыми днями копошатся их воины, а по ночам рыцари отдыхают. Уверенные в победе и безнаказанные, они играют на дудках, бьют

в литавры, а с утра начинают громить город из металлических машин, бросают в укрепления «железо с огнем и огненные горшки». Разложили вокруг Юрьева огромные костры для устрашения осажденных.

Но Юрьев не сдается. Так прошло много дней. Тогда немцы попробовали купить князя Вячко. В город впустили вкрадчивых посланцев. Они держали перед князем Вячко речь, полную соблазна:

— Тебе, князь, дадим свободный выход со всем твоим имуществом и конями и людьми, только оставь нечестивых эстов, предоставь их собственной, заслуженной судьбе.

Слушал эти речи князь Вячко, слушал, едва сдерживая гнев, и приказывал немедля вывести послов за городские укрепления. А следом за послами шел его ответ: по немецким скопищам били тяжелые баллисты и меткие русские лучники.

— Пусть запомнят псы ответ князя Вячко!

В унынии совещались ночью рыцари. И так говорил рыцарь Фредегельм, воин и судья:

— Надо взять Юрьев приступом и отмстить злодеям на страх другим. Кто первый взберется на вал и вступит в укрепления, тому дадим лучших коней и лучших пленников, кроме самого дьявола Вячко!..

Помолчал предприимчивый рыцарь Фредегельм и добавил:

— А его, Вячко, вознесем над всеми.. повесим на самом высоком дереве!

Понравилась рыцарям речь Фредегельма. Еще больше

понравилась им судьба, уготованная ненавистному «дьяволу» Вячко.

Вскоре начался приступ. И сила одолела горсточку защитников Юрьева. Вот уже появились на валу рыцари с горящими факелами. Вот проникли они дальше, внутрь укрепления, подожгли мост.

Русские держались дольше всех, до тех пор, пока не пали смертью храбрых сам Вячко и последний из воинов его. Торжествовали злобные псы:

«...Когда все мужчины были перебиты, началось у братьев-рыцарей великое торжество: били в литавры, играли на свирелях и других инструментах... А после братья-рыцари собирали оружие русских, одежду, коней и всю добычу, бывшую в Юрьеве, а также оставшихся еще в живых женщин и детей, потом подожгли замок и пошли назад в Ливонию...»

Весть о гибели князя Вячко и его дружин пришла на родину. Мужественно встретили этот удар русские люди. Коротко записал летописец:

«Убиша немци князя Вячка в Гюргеве, а город взяша».

Это было в 1224 году. Русские испытывали тяжелые времена. Монголы выиграли битву на реке Калке. Началось монгольское нашествие. Но еще и в 1234 году новгородский князь Ярослав Всеволодович смог снова двинуть свои дружины на немецких псов-рыцарей в помощь эстам. Немцы были разбиты на реке Омоуже.

«...И утопили их многих, а другие раненые бежали в Гюргев, а иные в Медвежью Голову...»

И куда же девалась вся рыцарская спесь? Поклонились рыцари князю Ярославу Всеволодовичу, и заключил он с ними мир, и вернулись новгородцы из похода в дравы.

* * *

Но уже вплотную придвинулись тевтоны к русским рубежам. Зреет новый план завоеваний. Ненавистью к русской земле, ко всему русскому полны рыцари, почувшие невиданную добычу. И «благочестивый брат» Генрих Латвийский, заканчивая свою хронику кровавого покорения Прибалтики, надменно записал:

«Смотрите же и разумеите вы, князья русских! Бойтесь, чтите и умилоствляйте мать божию, столь жестоко мстящую врагам своим!»

В Риге раздается новый клич:

— Идем, покорим Великий Новгород и все земли их, унизим словенский язык, а все люди словенские обратим себе в рабов!

Откуда эта чванливая хвбрость? Давно ли бежали они, рыцари, от русских дружин в Эстонию, будто получив удар дубиною в лицо? Что случилось в Риге? Почему так часты теперь пиры, гремит боевая музыка, так назойливо гудят походные дудки и пылают праздничные костры?

В Риге торжествуют не зря. В 1237 году соединились два немецких рыцарских ордена: пси-меченосцы, залившие кровью Прибалтику, объединились с разбойничьим орденом тевтонов. Орден тевтонов обосновался в нижнем течении Вислы. Здесь лежали земли пруссов. Рыцари-тевтоны подавили мирную страну, а

пруссов истребили. Это те самые рыцари из ордена тевтонов, о которых Карл Маркс метко отозвался:

«Образец того опустошения, которое они произвели, — это судьба населения Зюдау в Пруссии; к концу XIII столетия цветущая страна была превращена в пустыню, на месте деревень и возделанных полей появились леса и топи, жители были частью перебиты, частью уведены, частью вынуждены были выселиться в Литву».

Они соединились теперь в Риге — рыцари-меченосцы и рыцари-тевтоны. Мастера убийства и грабежа дружно объединились для новых «трудов и доходов». Вот почему так храбрятся и бахвалятся теперь рыцари в Риге.

Но есть и другая причина для торжества. Когда русские дружины бились с врагом на реке Калке (1223 год), в Риге «благочестивый» хроникист Генрих Латвийский злорадно вел выхоленной рукой счет русским бедам:

«...И выступили короли со всей Руси против татар, но не хватило у них силы. И пал великий король Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов, что были при нем. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И истребили у них татары более ста тысяч человек, а точное число их знает один бог...»

А теперь, в 1237—1238 году, снова черной тучей растекались по русской земле полчища Батыя.

С верховьев Волги они приближались к Новгороду: «всех людей посекли, как траву».

Вот почему так храбро суетятся рыцари в Риге, вот почему так гордо поднимают они свои чаши на пирах и кричат один перед другим наперебой:

— Унизим словенский язык! Все люди словенские обратим себе в работу!

Новгород уцелел от монголов. Не дойдя ста верст до него, орды Батые из-за разлива рек повернули назад. Теперь-то и торопятся ударить сюда немецкие рыцари. Страшные беды русской земли разжигают рыцарскую наглость.

— Идем! Покорим Великий Новгород и все земли их!

* . * *

Велик и славен Господин Великий Новгород. Велики богатства новгородской земли. Широки пути к морю Варяжскому. Через Новгород идет древний путь «из варяг в греки», из Скандинавии в Византию. Стоят на этом пути древнейшие русские города: Ладога, Новгород, Смоленск, Киев.

Далеко в заморские страны плавают на своих судах новгородские торговые люди. Далеко, в самые дальние края русской земли, заплывают на своих ладьях новгородские ушкуйники. Сюда же, в Новгород, тянутся со всех новгородских волостей бесконечные караваны, груженные хлебом, лесом, пенькой, льном, медом, воском, пушным зверем — всем, чем обильна древняя Русь.

От Финского залива до Уральских гор, от верхнего течения Волги до Белого студеного моря простираются

новгородские земли. И поется в народной былинне о богатстве Господина Великого Новгорода:

«Не я, видно, купец, богат новгородский,
Побогаче меня славный Новгород!»

Ключом бьет жизнь на берегах Волхова-реки, на новгородских площадях, на главном торге, во всех пяти новгородских концах, где живут бояре и житеи люди, и купцы, и черные люди, мастера всяких рук: щитники, оружейники, серебряники, гвоздочники, кожевники, гончары, котельники, калашники, плотники— весь тот трудовой новгородский люд, что в минуту опасности для отечества станет в новгородские полки, в ту «тысячу», которая вместе с княжеской дружиной выступит против любого врага.

По обоим берегам Волхова широко раскинулся Господин Великий Новгород. На правом берегу, на Ярославовом дворе, собирается вече. Вече сзывает или князь или выборные новгородские власти, посадник да тысяцкий. Зазвонит вечевой колокол, и всякий новгородец отличит этот звон от звона многочисленных церковных колоколов. На вечевую площадь идет каждый, кто считает себя гражданином Новгорода, а порой приходят сюда бить челом Великому Господину Новгороду люди из древней Ладоги или Пскова, пригорода новгородского, его «меньшого брата».

А по соседству с Ярославовым двором раскинулся новгородский главный торг. Сюда из Финского залива через Неву, Ладожское озеро и Волхов плывут заморские товары. Разгружаются чужеземные гости неподалеку от моста через Волхов; здесь тянут тяжелые тюки

на гостиные дворы, где живут иностранные купцы, тюки с фландрскими и английскими сукнами, шелковые ткани, бочки с вином, цветное заморское стекло и пергамент, олово, свинец и медь, в которых так нуждается древняя Русь. Все, что производит Западная Европа, все можно купить на новгородском торге!

Новгород издавна привлекает внимание иностранцев. Все поражает их в этом русском городе. В XV веке, когда Новгород уже становился неотъемлемой частью единого Московского государства, здесь побывал знатный путешественник Гильбер де Ланнуа.

«Великий Новгород, — писал пораженный путешественник, — удивительно большой город. Он расположен на большой равнине, окруженной большими лесами. Посередине города течет большая река. Этот город независим и имеет общинное правление. И содержат новгородцы, равно как и прочие в Руси, которая очень велика, христианскую веру, такую же, как у греков. Внутри Новгорода живет много больших сеньоров, которых русские называют боярами. Эти бояры богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские великой Руси в Новгороде других властителей, кроме бояр, выбираемых по очереди так, как захочет община».

Поразяло иностранца богатство, поразили обилие русской земли и необыкновенное гостеприимство.

«И я был девять дней в этом городе, — пишет Гильбер де Ланнуа, — и мне присылали каждый день более тридцати человек с хлебом, мясом, рыбой, пивом

и медом, а тысяцкие и посадники дали мне обед, самый странный и самый удивительный из всех, виденных мною когда-либо...»

Крепко держат в своих руках выгодную торговлю с Новгородом немецкие купцы. У них поставлен здесь свой двор с высокими, крепкими стенами, с вооруженным караулом. Живут здесь немецкие «гости» затаившись, по своему уставу. При дворе есть церковь, которая похожа больше на склад, загруженный товарами. Немцы держат свои весы для взвешивания монеты и драгоценностей. Чувствуют они свою силу и пытаются диктовать новгородцам кабальные условия. В договорах требуют они для себя бесчисленных льгот и привилегий. Они никогда не возят на Русь оружия. Иной раз запретят везти сюда излюбленное у новгородцев красное сукно, пока не разберут со складов весь остальной суконный запас.

Пока все это — еще только мирная торговля. Но зорко присматриваются соглядатаи-купцы. Знают они, что Новгород — это ключ ко всем северным русским землям, ко всем волостям, что собрал Господин Великий Новгород. Знают они, что Новгород богат не только на всю Русь, что богатством своим не зря славится Новгород на всю Европу.

Наглухо заперты ворота на немецком гостинном дворе. Выставлены ночные караулы. Совещаются немецкие «гости». Осторожно ведут промеж себя речь о том, как будет хорошо торговать, когда придут на Новгород «благородные» рыцари-тевтоны, когда станет Новгород немецким владением.

Велик и славен на всю Русь Господин Великий Нов-

город. Радуется глаз человеческий его неизреченной красоте. Вот подходят воды Волхова к самому Кремлю-детинцу и уходят в незримую даль, в необъятные поля и леса. Меряют землю в Новгороде, не скупясь: проводят границы меж отдельных хозяев «от Волхова великого вверх до креста, а от креста на ольху, а от ольхи на еловый куст». Хватает немеряных земель.

Над всем городом высятся и сверкают позолотой главы святой Софии. Еще в XI веке выстроили этот собор новгородские мастера, чтоб был он памятью о Господине Великом Новгороде для всех будущих поколений, чтобы был памятью о культурном величии древней Руси. И скоро стал этот величавый собор центром общественной и духовной жизни. «Где святая София, там и Новгород!» — таков боевой клич новгородцев. Здесь, при святой Софии, неустанно трудятся книжные люди, ведут они летопись, размножают письменное слово. А вслед за собором святой Софии возник Георгиевский собор, что в Юрьевом монастыре. Какую удивительную роспись византийских и русских мастеров любовно собрали здесь новгородцы! А при княжеском дворе, на городище, высятся церковь Спаса-Нередицы, словно живой музей, куда собирают русские мастера изделия рук своих. Как живой свидетель, хранят церковные стены великое русское искусство: мозаику, фресковую живопись, монументальные композиции древних русских художников, отменно владеющих искусством орнамента и красок.

Любовно чтут, берегут и развивают в Новгороде-русское книжное слово. Во времена Киевской Руси народный поэт, который создал «Слово о полку Иго-

реве», видя страдания родины, возвысил свой могучий голос и, словно олицетворяя мысли всего русского народа, обратился к современникам и потомкам с пламенным призывом о единении всех сил народных для строительства русского государства, для защиты великой родины.

Теперь, в XIII веке, в Новгороде процветает русская литература. И другой народный поэт-патриот снова говорит о Руси, вдохновленный ее величием и обилием. Народный певец взирает на Новгород. Словно с орлиного полета, видит он все земли, объединенные под властью новгородской, взором своим охватывает остальную Русь, ее понизовые города, и восклицает:

— О, светло светлая и украсно украшена земля Русская! Многими красотами наделена ты! Озерами многими и реками, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, зверем различным, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными,— всего исполнена ты, Русская земля!..

Княжит в Новгороде молодой князь Александр Ярославич, сын князя Ярослава Всеволодовича, который изгонял немецких рыцарей из Юрьева и топил их войско в Омежеж-реке. Помнит князь Александр, как с поклоном просили мира у великого князя, отца его, битые немецкие рыцари. Крепко помнит о лютых врагах русской земли.

Хоть и молод возрастом князь Александр, но недаром сидит он в самом Великом Новгороде. Полна славы о нем русская земля. Говорят о нем русские люди, как о муже совета и разума, как о воине великого ратного духа. «Самовидец возраста его», новгородский

книжный человек, воспевший подвиги его, свершенные на бранном поле во славу родины, так говорил о князе Александре:

«Был князь Александр Ярославич рожден от отца благочестивого и нищелюбца, от великого князя Ярослава, от матери Феодосии. Ростом он был выше многих иных людей, и голос его звучал как труба в народе. Сила ж была ему дана от силы Самсона, а премудрость от царя Соломона. Храбрость же дана ему, как римскому Кесарю. Когда некто от западных стран пришел на Русь, желая видеть князя Александра и, увидев его, возвратился к своим, то сказал: «Прошел я многие страны и многие народы, но нигде не видел подобного ему ни в царях царя, ни в князях князя».

Он, князь Александр Ярославич, много потрудился, за Новгород и за Псков и за всю землю русскую жизнь свою отдавая.

* * *

А в Риге псы-рыцари уже заканчивают последние приготовления: они давно собираются крестовым походом на Русь. Речь идет теперь не об отдельных воровских набегах, которыми занимались рыцари в прежние времена. Речь идет о завоевании всей Северозападной Руси, всех необъятных северовосточных волостей Новгорода, которые уцелели от монголов.

Немцы зовут в крестовый поход против русских «язычников» рыцарей-крестоносцев из соседних стран, из Швеции, Дании. Как ни тяжело положение Руси, а все-таки вернее собрать лишние силы: еще крепко болят тевтонские спины от прежних русских ударов.

Наступил 1240 год. Псы-рыцари разработали общий план наступления на Русь, по которому двинут они и весь тот рыцарский сброд, что удалось набрать в Европе.

По этому плану, шведские крестоносцы под водительством Биргера должны напасть на Русь с Невы и через Ладогу по Волхову плыть к Новгороду. Сами немецкие псы-рыцари выступают сухопутным путем на Изборск, Псков, чтобы отсюда нанести по Новгороду основной удар. В план наступления входит и захват Копорья, опорного пункта новгородцев у побережья Финского залива. Отсюда они нанесут третий удар, это будет третье направление на Новгород.

Сам магистр Ордена, Герман Балк, держал в Риге напутственную речь:

— Русские не могут обороняться... Их силы разбиты монголами... Новгород наш!

Первыми выступили в поход рыцари-крестоносцы из Швеции. Летом 1240 года они появились на Неве. Русская летопись рассказывает:

«...И пришел король полуночные страны, захотев победити князя Александра Ярославича и руками его взяти. Король собрал силу великую, наполнил многие корабли полками своими и двинулся, пыхая духом ратным. Придя на Неву, стал у устья Ижоры, шатаясь в безумии своем, мысля захватить и Ладогу, и Новгород, и всю землю новгородскую. И послал король к князю Александру Ярославичу в Новгород сказать гордо: «Если можешь противиться мне, противься, ибо я уже здесь и пленю землю твою!»

Князь Александр Ярославич, зорко охранявший новгородские рубежи, уже знал о прибытии крестоносных банд от караулов, выставленных к побережью Финского залива.

«Был старейшина земли Ижорской, по имени Пелгусий, которому поручена была утреничная стража морская. Увидел он силу ратных, идущих против князя Александра, и пошел к князю Александру, чтоб сообщить ему о силе вражьей».

В городище, в княжем терему, слушает князь верного и зоркого стража Пелгусия.

— Княже! Уже пришли шведы-немчины в землю твою!

И рассказывает Пелгусий о крестоносных рыцарях, о богатстве их доспехов. Рассказывает Пелгусий, что разбили рыцари лагерь и живут «гости», отдыхая, словно бы и не ждут, не чают скорой битвы.

И вот уже поднимает князь Александр Ярославич дружину в поход. И тревожно шумят все новгородские концы. Сбегается народ к святой Софии. Князь Александр проходит в собор. Стоя среди дружинников своих, громко говорит Александр Ярославич:

— Ты повелел жить народам и поставил каждому из них предел и запретил им вступать в чужие земли. Суди же и рассуди, боже, распрю мою с напавшими на нас!

И потом на площади обращается князь к дружине, ко всем новгородцам:

— Не в силе бог, а в правде. Постоем за порушенную землю нашу, постоем за отчизну!

В поход выходит княжеская дружина. В поход идут новгородские полки. Князь так спешит, что не ждет ратных людей, несущих службу вне Новгорода. Александр Ярославич так спешит нанести удар врагу, что не успевает даже сообщить о нападении крестоносцев великому князю, отцу своему, Ярославу Всеволодовичу.

Тихи берега Невы. Безмятежно отдыхают крестоносцы. Они стоят на русокой земле и, стало быть, уже владеют ею. Нет и не будет им сопротивления. Кончилась, оскудела русская сила. Да уж и была ли она когда-нибудь?

А 15 июля, в день памяти князя Владимира, крестившего Русь, на берегах Невы неожиданно-негаданно встали перед рыцарями дружины александровы. И куда же девался безмятежный покой, в котором пребывал вражий лагерь? С криками выбегают рыцари, строятся в боевые ряды, чтобы отразить удар, а русские рвутся вперед, подобные вихрю.

В этот день прославились вечной славой многие всины полков александровых. Вон там, едва разгорелась битва, Гаврила Олексич конный влетел на корабль самого Биргера, и когда свергли его с конем в реку, выплыл невредим и снова напал на врагов и крепко бился с самим воеводой. А дальше другой новгородец, именем Збыслав Якунович, упорно наседал на рыцарей, имея в руках один топорок, но не имея страха в сердце. Пали уже многие от топорка его, и подивился тогда сам князь Александр Ярославич силе и храбрости его.

А битва все разгоралась и разгоралась. Вот мчится Яков, родом полочанин, ловчий при князе, наехал он с мечом на вражий полк и мужествует крепко. Не отстает от него другой славный дружинник, именем Миша. Он пеший вместе с дружиной своей уже порубил три вражьих корабля.

Теснили русские врагов все ближе и ближе к лагерю. Росло смятение в их рядах. Но все еще оборонялись.

Посреди лагеря крестоносцев был раскинут златоверхий шатер Биргера. Сюда отступали рыцари. А молодой новгородский воин, именем Савва, давно уже пробрался во вражье логовище, подкрался к шатру и подсек столб шатерный. Рухнул златоверхий шатер, и смутились крестоносцы. А полки князя Александра возрадовались в сердце своем и ударили с новой силой. В этой битве сам князь Александр Ярославич наложил печать Биргеру на лицо острым копьём своим.

Еще солнце, заходя, освещало воды Невы, а битва была уже кончена. И результат был совсем неожиданным для тех, кто хотел князя Александра «имать руками».

«...Трупами своих великих воевод наметали шведы-немчины три корабля и потопили в море, а для иных посеченных ископали ямы и накидали туда бесчисленное множество их. Остаток же ратных побежали посрамленны, со всею скоростью своей... А новгородцев в ту сечу паде всех двадцать мужей, вместе с ладожанами. Князь же Александр Ярославич возвратился в Новгород с великой победой».

Народ почтил его за эту победу именем Невского.

Но уже шли на Русь, на Изборск и Псков и сами немецкие псы-рыцари. Шли, уверенные в легкой победе.

«Братья-рыцари с войском вторглись в русскую землю и имели успех, — рассказывает немецкая хроника. — Они подошли к одному городу, и прибытие их не было приятно для этого города. Они начали приступ и взяли этот город, называвшийся Изборск. Никто из русских не был оставлен в покое. По всей земле поднялся плач и вопль, и весть эта достигла Пскова — так называется в России один город, в котором живут свирепые люди...»

Одолев Изборск, «братья-рыцари поставили свои палатки перед самым Псковом на прекрасном поле».

А русская летопись вскрывает, что творили теперь тевтоны:

«...И пришли немцы под город Псков, зажгли посад весь, и много зла было от них: погорели церкви, и села пусты сотворили около Пскова. Стояли же немцы под городом неделю, но город взять не могли».

Неприступным оказался для псов-рыцарей древний Псков. Сколько раз подъезжали к стенам льстивые глашатаи, чтобы смутить дух псковичей:

— Откройте ворота, сдайте город! Высокочтимый магистр Ордена клянется именем божьим: жизнь и имущество будут вам сохранены!

Но давно знают псковичи цену немецким клятвам. И в ответ на вероломную немецкую речь летят с псковских стен тучи стрел, а едва приблизятся рыцари, льют оттуда огненную смолу и сбрасывают

тяжелые камни, против которых не устоит ни одна рыцарская кольчуга, ни один рыцарский шлем.

Но уже ведут немцы тайные переговоры с боярином псковским Твердилой Иванковичем. Нашелся предатель-переветчик, готовый торговать родиной. Мужественно бьются на стенах защитники Пскова, а предатель уже сеет смуту, исподтишка ведет подлые речи о мире, собирает, наставляет своих людишек. Тайно открыл ворота немцам предатель Твердила.

Уже ставят тевтоны своих наместников — фогтов — во Пскове, и кажется им, что стал Псков немецким владением, и ведут беспощадную расправу с теми, кто попал в рыцарские руки. «И начали немцы владеть Псковом, воюя далее села новгородские. А псковичи многие бежали в Новгород с женами и детьми».

Крестоносные банды успели нанести удар и по Копорью:

«Тою же зимою пришли от западные страны немцы и повоевали все. И срубили город в Копорье-погосте, в отечестве великого князя Александра. И Тесово взяли, и гнались до Луги, и до Сабля, и за тридцать верст доходили до Великого Новгорода. И там, где прошли немецкие люди, там забрали коней и скот, так что по селам пахать было некому и нечим...»

В этот грозный час, когда рыцари превращали русскую землю в пустыню, Александра Невского не было в Новгороде: «Он расприся с новгородци и отъехал в землю Суздальскую, в Переяславль-град, с матерью и княгинею и со двором своим».

Но распри, которые вели с Александром Невским бояре, не встретили сочувствия в народе. Неотступно

требовал весь новгородский трудовой люд, чтоб вернулся Александр Ярославич на свое княжение.

С великой радостью встретил Александра Невского весь новгородский народ. Снова в своем городище полон деятельности молодой князь. Ежедневно бывает он на площади святой Софии, осматривает дружину и полки, которые выставляет Новгород. Все, кто способен работать, заняты тем, что готовят для рати великий запас, необходимый в походе. Денно и ночью работают щитники, оружейники, трудится весь новгородский люд.

Александр Ярославич ведет переговоры с отцом, великим князем Ярославом Всеволодовичем. Знает князь Александр, как тяжело приходится понизовым городам в борьбе с монголами. Но разве иссякнет русская сила, когда нужно спасти родину от немецких псов, страшнее которых не было и не будет врага?! Если придут и осядут — не быть Новгороду, не быть русской земле. Пусть же шлют, что могут, на помощь понизовые города.

Радостной вестью отвечает ему Русь: князь Андрей, брат его, ведет в Новгород понизовые полки.

А великий Новгород необычно суров в эти дни. На всех площадях только и видно, что людей в воинских доспехах. Любуется ими князь Александр:

— Нет, не с дубинками пойдем против рыцарского войска. Порадели новгородские оружейники. Честь им и слава! Исправен на рати весь бранный — снаряд.

Развернуты княжеские знамена. Полк за полком покидают Новгород. Раскрывается славная летопись побед

Александра Невского, летопись святого мщения народного за страдания отчизны.

Первый удар Александр Невский нанес в Копорье и действовал так стремительно, что псы-рыцари не успели оказать помощи оставленному там гарнизону. Как всегда, немцы вгрызались накрепко в захваченную землю. Крепость, которую соорудили они в Копорье, казалась им неприступной.

Но «пошел князь Александр с новгородцами и ладожанами и карелами, и с ижорцами, на град Копорье, и разрушил его до основания, а самих немцев избил, а иных привел в Новгород, а иных отпустил, ибо был милостив свыше меры. Изменишков же-переветчиков повесил».

Теперь настало время для освобождения Пскова. Дружины Александра Невского появились здесь и взяли город штурмом, «изгоном».

«Великий же князь Александр занял все пути к Пскову и освободил град. И немцев захватил и немецких наместников отправил в Новгород в оковах».

Об этом же событии плачутся немецкие хроники:

«Владычество братьев-рыцарей продолжалось только короткое время. Король новгородский с большим войском поднялся против Пскова, чтобы освободить его к радости псковичей. Когда он нашел немцев, изгнал он двух братьев, лишив их должности наместников, и прогнал всех слуг, так что ни одного немца там не осталось, и они оставили страну русским. Так досталось там братьям! Если бы Псков лучше был охранен, он остался бы братьям-рыцарям до конца мира. Но нас постигла неудача...»

И бежал незадачливый рыцарь-хроникст все дальше от дружины Александра Невского и в беготве своем скорбный главой неожиданно поумнел. Писал теперь битый рыцарь, едва спасшийся из Пскова, так:

«Кто овладел страной, но плохо ее занял, тот пусть не жалуется на беду, если ему не везет!»

Александр Невский вел дружины дальше—на Запад. Нужно было покончить с живой силой псов-рыцарей. Но и они, почуяв русскую добычу, нелегко с ней расставались. «Они же гордые объединились, говоря: «пойдем на князя Александра и, победив, руками имем его!»

* * *

В Риге снова шум и возня. Рыцари шлют за помощью на родину, в Германию. Здесь еще много охотников до русских земель и русских богатств. Не знают еще в Гевтонии, как бьют рыцарей русские люди. Ведь крестоносцы, побывавшие в Риге, все еще «пыхают духом ратным», все еще бахвалятся. В поход против Александра Невского выступила вся отборная крестоносная рать. Встреча произошла на льдах Чудского озера:

«Князь Александр Ярославич поставил полки свои на озере Чудском, на Узьмени, у Вороньего Камня. И пошли против него немцы со всем множеством их народа. А вместе с князем Александром Ярославичем был в этой сече князь Андрей с полками от понизовых городов. Было в дружинах александровых множество воинов храбрых, сильных и крепких, и сердца их были, как сердца львов. И оказали воины князю Александру: «О, княже наш, драгий и честный! Ныне пришло время положить главы своя...»

Каждый понимал, что пробил час. Каждый сказал себе: лучше смерть, чем рабство у немцев.

Наступило 5 апреля 1242 года. Был день субботний. Выходило солнце, освещая потемневший, весенний лед. Александр Невский только что закончил объезд полков. Все исполнено так, как ночью в своем шатре указал он ближним ратным людям. Вспомнил князь, как перечили ему вначале: где слыхано, чтоб лучшие полки отводить на края, а в середине, куда всегда рвутся рыцари, оставить заслон? Перечили ратные люди князю и в том, чтобы отвести лучшие полки в засаду, до случая, до нужды. Кто перечил ему, сидя степенно, а кто, забыв о присутствии князя, стоя бил в сердцах кулаком по столу:

— А как не хватит русской силы? А как промедлит засада? Тогда что?

Александр Ярославич внимательно выслушал всех, выслушал все речи, потом сам заговорил:

— Не знают ли разве рыцарской повадки? Не пригляделись, что ли, русские люди, как ходит немецкая «свинья»?

Немецкой «свиньей» называли новгородцы военный строй псов-рыцарей. А строй этот состоял в том, что конные рыцари, закованные в броню, строились шеренгами. Каждая последующая шеренга была шире, чем предыдущая. Получался острый треугольник, обращенный в сторону неприятеля. Внутри треугольника шли рыцарская пехота и покоренные немцами племена, которых гнали они в бой «Свинья» всегда врезывалась в самый центр расположения противника. Прорвав его, конные рыцари расступались. В бой вступала пехота

и довершала победу. Не раз побеждали рыцари, построившиеся излюбленной «свишьей».

— Приспело ныне время, — говорил на совете князь Александр, — бить немецкую «свинью» по ее повадке.

Александр Ярославич подробно рассказал о своих планах. И когда кончился совет, улыбались князьки ближние ратные люди. Выходя перед рассветом из шатра, были все бодры и мужественны сердцем:

— Воистину мудр князь Александр Ярославич! Воистину нет на свете никого, кто может противиться ему! Пусть же осенит победа мечи, обращенные против врага по замыслу александрову!

А солнце всходило все выше. Разгорался яркий весенний день. Русские воины спокойно всматривались вдаль, где строилась к бою немецкая рать. Все стихло в русском стане. Хвалясь будущей победой, описывал немецкий хроникист этот последний перед битвой час:

«Король Александр пришел со многими русскими. У них было бесчисленное множество стрелков, много было красивых панцырей, богатых знамен, и их шлемы блестяли...»

С грохотом и лязгом выстраивалась немецкая «свинья». Острием своим этот закованный в железо треугольник обратился, как всегда, — немцы повторяли свой излюбленный прием! — против центра русских дружин. Прозвучали боевые сигналы. Тяжело двинулись рыцари вперед. Вот они все ближе и ближе. Уже видны круглые шлемы. Зловеще чернеют на шлемах крепостобразные щели, оставленные для глаз и ртов. Грозно

подняты мечи, ослепительно сверкают клинки из рейнской стали.

Надвигается «свинья», вся железный бронированный таран; броня-панцырь на рыцарях, броня-панцырь на конях. Вот уже слышно, как храпят боевые кони.

Неудержимо движется рыцарская «свинья», и кажется, что все сметет она на своем пути. Русские лучники, бывшие в центре, в заслоне, приняли первый, страшный удар. И показалось уже рыцарям, что победа близка:

«И вот знамена братьев-рыцарей проникли в ряды русских...»

Втягивались рыцари все дальше и дальше в приготовленный для них мешок. В это время с флангов стремительно пошла в бой русская легкая конница, и вышли в незащищенный тыл «свинье» русские полки, бывшие в засаде. Сбились в кучу тяжелые, неповоротливые шеренги псов-рыцарей. Смята была «свинья». Скользили по льду, спотыкаясь непривычные боевые рыцарские коня. Трещал, ломался под ними вешний лед.

Теперь немецкая хроника, певшая прежде славу убийцам, теряет весь свой горделивый блеск:

«Братья-рыцари оборонялись достаточно, но были поражены...»

И как поражены! Впервые попала немецкая «свинья» в русское железное кольцо. Скупо, но выразительно рассказывает о великой победе русского оружия наша летопись:

«И была тогда сеча жестокая и злая немцам. Только слышен был треск ломающихся копий и звон от уда-

прошли фашистские банды, «пахать по селам некому и нечем».

Еще сидят фашисты в древнем Пскове, еще цепляются они за Новгород Великий. Они еще тешатся тем, что зовут Новгород на немецкий лад: «Нейгарден». Они тешатся тем, что состряпали «краткий курс русской истории». Ученые из гестапо вещают в этой книжке: «Старый Нейгарден расцвел под господством немецкой ганзы».

Пусть чтут проклятую память своих предков, псов-рыцарей, пусть гордятся купцами из немецкой ганзы, которые были первыми соглядатаями и шпионами в древнем Новгороде!

Палачи культуры, они разрушили сокровища мирового искусства, созданные в Новгороде древними русскими мастерами. И сочинили... описание разрушенных новгородских памятников. Палачи увековечили подвиг рук своих! Час возмездия близок.

Гитлер вспомнил о том, «что кончилось шесть веков назад». Гитлеровцы кончат тем же. Они пройдут тот же путь, который прошли псы-рыцари, до бесславной могилы, ожидающей на советской земле каждого захватчика.

Цена 20 коп.